

#ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
#БУКИНИСТКА #15 ЛЕТ РАЗЛУКИ
КТО И ЧТО ...ЕЩЕ?

ЗАПОЗДАЛЫЕ ПИСЬМА
МАЙЯ НО

Майя Но

Запоздалые письма

«Литнет»

2025

Но М.

Запоздалые письма / М. Но — «Литнет», 2025

2 место из 7 жарких романов ЛитНет БУКТРЕЙЛЕР♥# Одна ночь. Одна встреча выпускниковИ правда, которая переворачивает всё. Но что труднее — узнать или жить с ней?Подборка тутДва человека. Два побега. Один вопрос: можно ли вернуть то, что украло время, или некоторые письма пишутся только болью собственного сердца?Тут не сахарная вата романтических иллюзий...вскрытие современных отношений, где мы: Бежим на край света вместо того, чтобы сделать три шага навстречу♀# Покупаем «духовность», вместо того чтобы научиться говорить правду бесплатно Ищем идеального партнера, вместо того чтобы стать им для того, кто рядом# Тратим пятнадцать лет на фантазии о прошлом, вместо того чтобы построить будущееДля кого эта книга:✓ Для пар, у которых страсть превратилась в поцелуи в лоб (и вы знаете, о чём это) ➡#✓ Для тех, кто хоть раз думал: «надо уйти, бросить все»; ✓ Для всех, кто устал от романов, где любовь побеждает магией, а не ежедневным трудом ✓ Для взрослых людей, готовых к правде: счастье — это не найти идеального человека, а перестать саботировать отношения с реальным «Трава зеленее там, где ты её поливаешь»; — это не метафора, это чёртова инструкция по выживанию.△# ВНИМАНИЕ: Нецензурная лексика. Откровенные сцены. Неудобные вопросы к себе.Если вы ищете милую историю о воссоединении школьных возлюбленных — это не та книга. ✕Если вы готовы к хирургическому препарированию современной любви, где автор не щадит ни героев, ни читателя — добро пожаловать в самый честный роман о втором шансе. ☆☆Лучше честное одиночество, чем фальшивая близость — но что, если есть третий вариант?Тот, который требует смелости не сбежать....готовы узнать, что будет, когда судьба сыграет в покер с вашим сердцем?

© Но М., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Столкновение	6
Глава 2. Безумие	8
Короткие видео	11
Глава 3. Притяжение	12
Глава 4. Опасные игры	20
Визуалы_Данила	26
Глава 5. Женские разговоры	29
Визуалы_Ева	37
Глава 6. Архивы памяти	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1. Столкновение

##

У каждой женщины есть план на случай встречи с первой любовью. Мой был отшлифован за пятнадцать лет: вхожу в красном, роковая, киваю небрежно – «о, Рыбаков, привет» – и ухожу к бару, покачивая тем, что покачивается.

Рассказываю, как вышло на самом деле, и, да, я подавилась.

Он вошел когда я уже мысленно отметила поминки по этой встрече и собиралась домой. Встал в дверях. Повел взглядом по залу.

Дошел до меня – и мой martini рванул не в то горло.

Сережки звенят, Катя лупит по спине, староста бежит за водой, пол-зала смотрит. Отличный выход, Ева. Недоступная роковуха стоит харкает как чайка.

И тут над ухом голос. Тот самый. Из-за которого все и случилось:

– Запить дать?

А рот мой, не спросив меня, выдает на кашле:

– Запить и дать.

Тихо стало. Гавнюк расплывается в улыбке.

Ладошки мокрые. Соски по стойке смирно – слава богу, лифчик жесткий, лучшая покупка года. Убейте меня кто-нибудь прямо тут, между баром и тарталетками. Платье только снимите, жалко, новое.

– Начнем с первого.

И стакан мне в руку вкладывает, пальцами по моим пальцам, а от этого касания вода в стакане, по-моему, закипела.

Пью как водку. Дзынь зубами о стекло.

Он на горло смотрит. Как глотаю.

Спокойно, Ева. Бывший и бывший. Ой, все.

– Порядок?

– Наверное.

Пульс за двести, вот и весь порядок.

– Слышал, магазин у тебя. Книжный.

– А у тебя война. Шрам откуда?

– Осколочное.

– Врешь?

– Вру. Дверца шкафа. Но осколочное более интригует.

Шутит. А я его губы на вкус вспомнила. ПИН-код в телефоне записан, а это – помню.

– Замужем?

– Была. Дважды.

– Где они, живы?

– Там же, где твоя совесть.

– Принял.

Принял он! Его носило пятнадцать лет – а трясет меня.

И прорвало:

– Как ты мог просто так пропасть!

– А что ты ждала. Я улетел первым же рейсом. Хоть куда.

– Потому что я призналась, что люблю тебя?!

– «Ты был интересным экспериментом. Чувств нет. Уезжаю в Европу, не ищи».

Стою. Заготовила же на этот случай умное, злое. Где оно. Пусто.

– Прекрасно. Я так и думала.

Крикнуть хотела – шепотом вышло.

Музыка орет. Между нами тишина. Послевзрывная.

Ладонь его – мне на талию. Горячая, тяжелая.

– Сегодня, – губы у самого уха, дыхание горячее.

Договаривать не стал. И правильно: у меня и от недоговоренного все внутри сжалось, а от договоренного я бы, наверное, села мимо стула.

– Тут все наши, Рыбаков...

– Поэтому – пять минут, 1247, поднимайся.

Отпускает. По коже, где была ладонь, – холод, как ожог наоборот.

Лифт ползет на двенадцатый этаж вечность. В зеркале женщина в красном: глаза шальные, помада съедена, под платьем видно, как колотится сердце.

Роковая и недоступная.

Через две минуты – очень даже доступная.

Двенадцатый. Динь.

Двери разъезжаются – и мимо меня в лифт врывается женщина. Наша. С потока, лицо знакомое, имя вылетело. Раскрасневшаяся, волосы растрепаны, и пальцы на ходу добивают пуговицы блузки – верхние две так и не сдались.

– Ой, – говорит она. – Ева? Привет...

Двери съезжаются раньше, чем я вспоминаю имя.

Выхожу в коридор. Стою.

И оборачиваюсь на лифт.

Глава 2. Безумие

Номер 1247. 21:15

Дверь открылась мгновенно. Данила стоял в дверном проеме — рубашка расстегнута, обнажая загорелую грудь с россыпью шрамов. В глазах горел огонь, который мог спалить дотла.

— Думал, здравый смысл победит, — голос хриплый от желания.

— Здравый смысл — для слабых, — она шагнула в номер.

Он не стал ждать. Руки легли на ее талию, притянули к себе так резко, что воздух вышиб из легких. Она почувствовала его возбуждение сквозь ткань и едва не потеряла сознание от собственной реакции.

— Пятнадцать лет, — выдохнул он в ее волосы. — Пятнадцать лет я голодал.

Развернул ее спиной к себе, нашел молнию. Тянул медленно, целуя каждый освобождающийся участок кожи. Ева откинула голову на его плечо, тихо застонав.

— Хочу видеть тебя, — прошептала она.

Красное платье упало к ногам шелковой лужей. В зеркале панорамного окна она увидела себя — почти обнаженную, в его объятиях. Картина была настолько эротичной, что дыхание сбилось окончательно.

— Посмотри, — он говорил ей на ухо, — какая ты невероятная.

Руки скользили по ее телу, изучая каждый изгиб. От плеч к груди, сжимая ее сквозь кружево. Она прижалась к нему спиной, чувствуя его мускулы, его жар.

— Боже, как я хочу тебя, — выдохнула она.

— Чувствую, как ты дрожишь от желания, — рука скользнула между ее ног. — Каждая клетка твоего тела просит меня.

Пальцы проскользнули под шелковую ткань, нашли ее влажную готовность. Ева резко втянула воздух, ее бедра инстинктивно подались навстречу его прикосновению.

— Ты пылаешь, — он рисовал медленные круги, чувствуя, как она отзывается на каждое движение. — Скажи мне, что чувствуешь.

— Схожу с ума, — выдохнула она, двигаясь в ритм его ласк. — Ты делаешь со мной что-то невероятное.

В отражении окна она видела себя — губы полуоткрыты в безмолвном стоне, тело выгнуто в его объятиях, лицо искажено наслаждением.

— Не закрывай глаза, — его голос стал жестче. — Смотри, как ты прекрасна в этот момент.

Первый оргазм накрыл ее как ураган. Она кричала его имя, содрогаясь в его руках, пока волны наслаждения не отпустили ее.

— Мы только начинаем, — он подхватил ее на руки.

До кровати было три шага. Он опустил ее на край, опустился на колени между ее ног. Стянул трусики одним движением, раздвинул бедра.

— Дэн, пожалуйста...

Первое прикосновение языка заставило ее выгнуться, спина оторвалась от кровати. Он исследовал ее медленно, языком и губами, находя точки, от которых она теряла способность дышать.

— Ты такая чувствительная, — пробормотал он, его дыхание обжигало влажную кожу. — Мне нравится, как ты реагируешь на меня.

Он менял темп и давление, доводя ее до грани, а потом отступая, заставляя умолять о продолжении. Пальцы скользили внутрь, находя особое место, и она вскрикнула так громко, что наверняка было слышно в соседних номерах.

— Пожалуйста, не останавливайся, — умоляла она, руки впелись в его волосы. — Мне нужно это... нужен ты.

Второй пик был еще мощнее. Она билась на кровати, зажав его голову между дрожащих ног, пока спазмы не стихли.

— Теперь я, — прохрипел Данила, поднимаясь.

Он избавился от остатков одежды, и она увидела его полностью. Тело воина — мускулистое, покрытое шрамами, готовое к бою. Протянула руку, обхватила его, и он застонал.

— Хочу попробовать тебя, — прошептала она.

— Ложись.

Он устроился над ней так, что она могла взять его в рот, а он продолжал ласкать ее языком. Ева обхватила губами его твердость, медленно погружая его глубже, чувствуя, как он содрогается от удовольствия.

— Боже, твой рот, — простонал он, его бедра инстинктивно подались вперед. — Тыводишь меня с ума.

Она нашла ритм, используя язык и губы, слыша его прерывистое дыхание. Когда почувствовала, что он близок к краю, стала двигаться еще медленнее, растягивая наслаждение.

— Хватит, — он осторожно отстранился, дыхание сбито. — Иначе все кончится слишком быстро.

Лег на спину, притянул ее к себе. Ева медленно опустилась на него, принимая дюйм за дюймом, приспосабливаясь к его размеру. Когда он был полностью внутри, оба замерли, наслаждаясь моментом полного единения.

— Ты так плотно обхватываешь меня, — прошептал он, руки легли на ее бедра. — Как будто созданы друг для друга.

Она начала двигаться медленно, поднимаясь и опускаясь, находя угол, который доставлял максимальное удовольствие им обоим. Данила помогал ее движениям, направляя ритм.

— Быстрее, — его голос охрип от желания. — Покажи мне, какая ты страстная.

Ева ускорила темп, ее тело двигалось все более отчаянно. Каждое движение посылало волны наслаждения через все тело, каждый звук, который она издавала, заводил его еще сильнее.

— Сейчас, — прошептала она. — Боже, сейчас...

Третий оргазм был самым сильным. Она содрогалась на нем, сжимая его внутри себя, и это довело Данилу до предела. Он кончил с громким стоном, вливаясь в нее.

Лежали обнявшись, тяжело дыша. Ева чувствовала полное умиротворение, будто нашла недостающую часть души...

И тут в голове что-то сломалось.

Паника. Холодная, жестокая паника залила все сознание. Что она делает? Спит с мужчиной, который однажды исчез? Верит в сказки о любви?

— Нет, — она соскочила с кровати.

— Что случилось? — Данила сел, глядя на нее с недоумением.

— Это ошибка. Чертова ошибка.

Она хватала одежду с пола, натягивая дрожащими руками.

— Какая ошибка? — Он встал, подошел голый. — Ева, что происходит?

— Мы чужие люди. Пятнадцать лет — это вечность. Мы изменились.

— Но то, что было между нами...

— Был секс! — крикнула она. — Хороший секс, да. Но не более того.

— Ты не можешь так говорить.

— Могу. — Она застегивала платье. — Потому что знаю — завтра ты улетишь в очередную горячую точку, а я останусь. Как всегда.

— Я никуда не собираюсь...

— Да? И бросишь работу ради меня? Останешься здесь навсегда?

Молчание было ответом.

— Вот именно, — она направилась к двери. — Ты не изменился. Все та же работа важнее всего.

— Ева...

— Спасибо за ночь, — бросила она, не оборачиваясь. — Но это конец.

Дверь захлопнулась.

В лифте она прислонилась к стене и заплакала. Не от боли — от ярости на себя. Только что была самая невероятная ночь в жизни, и она все разрушила.

Но что еще оставалось? Поверить в чудеса? Довериться человеку, который может снова исчезнуть?

Нет. Лучше причинить боль сейчас, чем мучиться потом.

Даже если эта боль убивает изнутри.

Продолжение следует...

Короткие видео

Глава 3. Притяжение

Три дня после катастрофы. Мой магазин — последнее убежище от собственной глупости. 14:30

Я перебираю книги, как четки, пытаюсь заглушить внутренний хаос. Каждый корешок под пальцами — напоминание о его прикосновениях. Каждая открывающаяся дверь — ложная надежда увидеть знакомый силуэт.

Я превратилась в женщину, которую всегда презирала. В ту, что ждет звонка от мужчины, которого сама же оттолкнула.

Звон колокольчика. Катя входит как ураган в мой хрупкий мир самообмана.

— Привет, беглец года, — она изучает меня с профессиональной безжалостностью психолога. — Выглядишь как героиня русского романа перед самоубийством.

— Какая точная диагностика. Что привело тебя в мои владения скорби?

— Любопытство и забота в равных пропорциях. — Катя садится на прилавок, как на трон судьи. — Знаешь, что твой сбежавший принц делал после твоего эффектного исчезновения?

Я притворяюсь, что каталог антикварных изданий — самая увлекательная книга в мире.

— Медитировал на тему женской непостоянности?

— Напивался до состояния философской ясности. А утром превратился в частного детектива. — Катя наклоняется ближе, как заговорщица. — Ева, он нанял настоящего сыщика.

Сердце делает сальто.

— Для чего?

— Чтобы найти того, кто украл ваши письма пятнадцать лет назад. — Пауза для эффекта. — Данила сказал буквально следующее: "Кто-то украл у нас целую жизнь. Я найду этого ублюдка, даже если придется разобрать прошлое по кирпичикам."

В животе что-то переворачивается. Он всегда был таким — если брался за дело, то доводил до конца. Даже если это дело — моё сердце.

— И что дальше? Устроит средневековый суд?

— Дальше он придет за тобой. — Катя встает, как актриса перед финальной репликой. — Вопрос не в том, найдет ли он правду. Вопрос в том, что ты будешь делать, когда он её принесет.

У двери она оборачивается.

— Кстати, детектив уже выследил одну зацепку. Елена Соколова. Помнишь нашу старосту-перфекционистку?

Лена. Образ всплывает мгновенно — блондинка с амбициями и комплексами, которая пялилась на Данилу, как голодная кошка на сметану.

— Что с ней?

— Она работала курьером в общежитии. Имела доступ ко всей почте. — Улыбка хищницы. — Занимательное совпадение для женщины, которая мечтала занять твоё место в постели Данилы.

Дверь закрывается, оставляя меня наедине с осознанием. Пазл начинает складываться в картину, которую я боюсь увидеть целиком.

Вечер того же дня. Моя квартира. 21:30

Горячая ванна не помогает. Красное вино не помогает. Я лежу в постели и представляю его руки на своей коже, его губы, его язык... Рука сама скользит между ног.

Звонок в дверь разрывает мою эротическую фантазию на самом интересном месте.

Я замираю. Кто может прийти в такое время? В моем мире после девяти вечера существуют только призраки и воспоминания.

Иду к двери в шелковом халате, который едва прикрывает бедра. Смотрю в глазок — и сердце делает сальто-мортале.

Данила.

Стоит в коридоре, опершись о стену, как падший ангел у врат рая. Черная рубашка расстегнута на две пуговицы, волосы растрепаны, на лице — выражение человека, который провел три дня в персональном аду.

— Ева, я знаю, что ты дома, — голос проникает сквозь дверь, как теплый мед сквозь кожу. — Открой, пожалуйста. Мне нужно тебя увидеть.

Я колеблюсь между разумом и инстинктом. Открыть — значит сдать всем демонам, которых я пыталась изгнать последние три дня. Но его голос действует на меня как наркотик, от которого нет антидота.

Открываю дверь, и мир останавливается.

Он смотрит на меня так, будто я — единственный источник кислорода в его вселенной. Серые глаза скользят по шелку халата, по обнаженным ногам, по влажным волосам, спадающим на плечи. Я вижу, как расширяются его зрачки, как сжимаются кулаки.

— Что тебе нужно? — голос звучит хрипло, предательски выдавая мое возбуждение.

— Быть твоим воздухом, — отвечает он с первобытной честностью. — Раствориться в тебе без остатка. Стать частью твоей души.

Я отступаю, пропуская его в квартиру. Он проходит, оглядывается — мой мир, моя территория.

— Красиво у тебя.

— Данила, зачем ты пришел?

Он поворачивается ко мне.

— Потому что не могу спать. Не могу есть. Не могу думать ни о чем, кроме того, как ты стонала мое имя. — Шаг ближе. — Не могу понять, почему ты убежала.

— Потому что испугалась.

— Чего?

— Того, что почувствовала. — Честность вырывается сама. — Того, что была готова отдать тебе все.

Он подходит еще ближе. Теперь между нами метр.

— И что в этом плохого?

— То, что ты можешь снова исчезнуть. Как пятнадцать лет назад.

— Я никуда не исчезал. Ты же теперь знаешь.

— Но можешь исчезнуть сейчас. Получить новое задание и улететь завтра же.

Данила качает головой.

— Не улечу.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что уволился.

Мир останавливается.

— Что?

— Вчера написал заявление. Больше никаких командировок, никаких горячих точек. — Он делает еще шаг. — Только ты.

— Данила...

— Я серьезно, Ева. Хочу быть там, где ты. Просыпаться рядом с тобой, засыпать, чувствуя твое дыхание.

Слезы подступают к глазам. Он протягивает руку, гладит мою щеку.

— Не плачь.

— Ты идиот. Зачем бросил работу?

— Потому что понял — без тебя она не имеет смысла. — Его рука скользит к моей шее.
— Потому что нашел то, за что стоит остаться.

Я смотрю в его серые глаза и вижу правду. Он действительно готов изменить всю жизнь ради нас.

— А если не получится? Если мы не подойдем друг другу?

— Тогда хотя бы узнаем. — Данила наклоняется ближе. — Но я не сдамся без борьбы.

Его губы почти касаются моих.

— Ева, можно я останусь сегодня? Просто побуду рядом.

Вместо ответа я встаю на цыпочки и целую его. Сначала нежно, потом все страстнее. Он отвечает с той же жадностью, руки скользят по моему телу.

— Я скучал по тебе, — шепчет он между поцелуями.

— И я.

Развязываю пояс халата. Ткань падает на пол, оставляя меня обнаженной перед ним. Данила замирает, глядя на мое тело.

— Ты еще прекраснее, чем помнил.

Его руки обнимают меня, притягивают к себе. Я чувствую твердость его возбуждения сквозь джинсы, и что-то горячее разливается внизу живота.

Помогаю ему раздеться, касаюсь шрамов на груди, целую их. Он дрожит под моими губами.

— Жажду ощутить тебя всеми фибрами души, — шепчу я.

— Тогда позволь мне стать твоей вселенной.

Он поднимает меня на руки, несет в спальню. Опускает на кровать, покрывает поцелуями мою шею, грудь, живот. Опускается ниже, и я выгибаюсь, когда его язык находит самое чувствительное место.

— Да, именно так, — стону я.

Он ласкает меня, пока я не начинаю дрожать на грани оргазма. Потом поднимается, смотрит мне в глаза.

— Готова принять мою душу в свои глубины? — спрашивает он, глядя мне в глаза.

— Готова слиться с тобой на уровне ДНК.

Он входит в меня медленно, давая привыкнуть. Когда мы полностью соединяемся, оба замираем, наслаждаясь моментом.

— Идеально, — шепчет он.

Начинаем двигаться в унисон. Медленно сначала, потом все быстрее. Наши тела помнят друг друга, каждое движение приносит невероятное наслаждение.

— Не останавливайся, — молю я, чувствуя приближение пика блаженства.

— Никогда не остановлюсь поклоняться твоему телу.

Он меняет угол, и каждый толчок попадает точно туда, где нужно. Я чувствую приближение оргазма, цепляюсь за его плечи.

— Достигаю космических высот, — выдыхаю, чувствуя приближение экстаза.

— Лети к звездам в моих объятиях.

Волна накрывает меня, и я кричу его имя, содрогаясь под ним. Он следует за мной, изливаясь внутрь с громким стоном.

Лежим обнявшись, тяжело дыша.

— Останешься? — спрашиваю я.

— Если позволишь.

— Позволяю.

Он целует меня в висок.

— Больше не убегай от меня.

— Не буду, — обещаю я. — Если ты не исчезнешь.

— Никуда не денусь. — Данила притягивает меня ближе. — Теперь мое место здесь. И впервые за много лет я верю в обещания.

Утро. 7:30

Просыпаюсь от нежных поцелуев в шею. Данила уже не спит — сижу, прислонившись к изголовью, и смотрит на меня с такой нежностью, что сердце переворачивается.

— Доброе утро, красавица, — шепчет он, целуя мою ключицу.

— Ты давно не спишь?

— Минут тридцать. Не могу насмотреться на тебя. — Он улыбается, и эта улыбка освещает всю комнату лучше солнца. — Знаешь, что я понял, глядя на тебя спящую?

— Что?

— Что это и есть счастье. Просто смотреть, как ты дышишь рядом со мной. Видеть, как твои ресницы трепещут во сне. Слышать тихие звуки, которые ты издаешь, когда видишь хорошие сны.

Я поднимаюсь, сажусь рядом с ним, прижимаюсь к его плечу.

— А мне снился мальчик с твоими глазами, — говорю тихо. — Он бегал между книжными полками и смеялся. А ты читал ему сказку о драконе и принцессе.

— Может, это не сон, а видение? — Данила гладит мои волосы. — Может, вселенная показывает нам наше будущее?

— А ты веришь в такие вещи?

— После всего, что произошло с нами? После того, как мы нашли друг друга через пятнадцать лет разлуки? — Он поворачивает мое лицо к себе. — Я готов поверить в чудеса.

Мы молчим, наслаждаясь утренней тишиной и близостью. За окном просыпается город, но здесь, в нашем коконе, время течет по-другому.

— Данила, а что дальше? — спрашиваю я, вдруг охваченная тревогой. — Как мы будем жить? Я имею в виду... практически.

— Ты думаешь о бытовых вещах?

— Да. У тебя есть квартира в Москве? Работа? Или ты улетишь в следующую командировку через неделю?

Данила поворачивается ко мне всем телом, берет мои руки в свои.

— Слушай внимательно, — его голос становится серьезным. — Во-первых, у меня есть квартира в центре. Трехкомнатная, с видом на Кремль. Но если ты захочешь, мы найдем что-то другое. Вместе.

— Во-вторых?

— Во-вторых, я действительно написал заявление об увольнении. Сегодня подам его официально. — Он целует мои ладони. — В-третьих, у меня есть сбережения. Достаточно, чтобы мы спокойно планировали будущее, не думая о деньгах.

— Ты серьезно все бросишь ради меня?

— Не ради тебя. Ради нас. — Данила смотрит мне в глаза. — Ева, я понял — успех не имеет смысла, если не с кем его разделить. Деньги не греют по ночам. А награды не обнимают тебя, когда плохо.

Слезы подступают к глазам. Не от грусти — от переполняющего чувства благодарности.

— Я не заслуживаю таких жертв.

— Это не жертва. — Данила вытирает слезинку с моей щеки. — Это инвестиция в лучшую версию самого себя. С тобой я становлюсь тем человеком, которым всегда хотел быть.

— А кем ты хотел быть?

— Любящим. Нужным. Настоящим. — Он прижимает мою руку к своему сердцу. — С тобой я не играю роль успешного журналиста или храброго военкора. Я просто Данила, который безумно любит Еву.

— А я с тобой впервые чувствую себя женщиной, а не функцией. — Признаюсь честно. — Не женой, не деловой партнершей, не удобным приложением к чужой жизни. Просто женщиной, которую любят такой, какая она есть.

Мы целуемся — долго, нежно, без спешки. В этом поцелуе обещание быть честными друг с другом, что бы ни случилось.

— Ева, у меня есть предложение, — говорит Данила, когда мы отрываемся друг от друга.

— Какое?

— Давай сегодня никуда не пойдем. Проведем весь день вместе. Только мы двое, кофе, разговоры и... — лукавая улыбка, — изучение друг друга.

— У меня магазин...

— Один день он может пожить без тебя. — Данила целует мой нос. — Пожалуйста. Мне нужно убедиться, что ты реальная.

Я смеюсь.

— Хорошо. Но с одним условием.

— Каким?

— Расскажешь мне о самом страшном моменте в своей жизни. И о самом счастливом. До встречи со мной.

Данила серьезнеет.

— Это важно для тебя?

— Очень. Я хочу знать тебя полностью. Не только хорошие части, но и темные. — Я глажу шрам на его груди. — Хочу понимать, через что ты прошел, что сделало тебя таким, какой ты есть.

— Хорошо. Но тогда ты тоже расскажешь. Договор?

— Договор.

Мы идем на кухню готовить завтрак. Данила оказывается неожиданно умелым поваром — взбивает омлет, варит кофе, нарезает фрукты. Я сижу на барном стуле и наблюдаю, как он двигается по моей кухне, словно всегда здесь жил.

— Удобно тебе? — спрашиваю, имея в виду не только кухню.

— Знаешь, что странно? — Он поворачивается ко мне. — Я чувствую себя дома. Впервые за много лет. Может, дело не в месте, а в человеке рядом.

— А мне нравится, как ты заполняешь пространство. — Признаюсь честно. — Эта квартира всегда казалась слишком тихой. А с тобой она... ожила.

Завтракаем, держась за руки через стол. Обычное действие превращается в интимный ритуал.

— Готов рассказать? — спрашиваю я, когда мы допиваем кофе.

Данила кивает, но вижу, как напрягаются его плечи.

— Самый страшный момент... — Он делает паузу. — Это было в Сирии, три года назад. Мы попали под обстрел, и мой оператор, Саша, получил осколком в живот. Я тащил его к машине, а он истекал кровью у меня на руках. И знаешь, о чем я думал в тот момент?

— О чем?

— Что умру, так и не сказав тебе, что люблю. Что все эти годы я бегал от собственного сердца, а теперь может быть слишком поздно. — Голос дрожит. — Саша выжил, но тот день изменил меня. Я понял, что жизнь слишком коротка для страхов.

Я сжимаю его руку крепче.

— А самый счастливый?

— Когда получил свою первую журналистскую премию. Стоял на сцене, держал статуэтку и думал: "Вот она, мечта детства." Но знаешь, что было странно?

— Что?

— Мне не с кем было разделить радость. В зале сидели коллеги, но я чувствовал себя одиноким. — Данила улыбается грустно. — И тогда я понял — любые достижения пусты, если рядом нет человека, который искренне за тебя радуется.

— А теперь твоя очередь, — говорит он. — Расскажи мне о своих демонах.

Я вздыхаю, собираясь с мыслями.

— Самый страшный момент... Когда потеряла ребенка.

Данила замирает.

— Ребенка?

— Я была беременна от первого мужа. Седьмая неделя. — Слова даются тяжело. — И вдруг кровотечение, больница, врачи говорят "генетические нарушения", "так лучше для всех"... — Голос ломается. — Но это был мой ребенок. Наш с Михаилом. И я чувствовала себя неполноценной женщиной.

Данила встает, подходит ко мне, обнимает.

— Мне так жаль, моя дорогая.

— Знаешь, что хуже всего? Михаил сказал, что это "к лучшему", что "мы еще молодые, успеем". Как будто речь шла о сломанной игрушке, а не о нашем ребенке. — Я прижимаюсь к его груди. — Тогда я поняла, что он меня не любит. По-настоящему не любит.

— А самый счастливый момент?

— День, когда открыла магазин. — Улыбка сквозь слезы. — Стояла среди книжных полок, которые сама расставила, вдыхала запах новых книг и думала: "Это мое. Я это создала." Впервые в жизни почувствовала себя самодостаточной.

— И что ты чувствуешь сейчас? — спрашивает Данила, целуя мою макушку.

— Что наконец нашла баланс. — Поднимаю голову, смотрю ему в глаза. — У меня есть дело, которое люблю, и человек, с которым хочу им делиться.

Мы переходим в гостиную, устраиваемся на диване. Данила читает мне вслух стихи Пастернака, а я лежу у него на коленях и думаю о том, как прекрасно просто быть рядом с человеком, который понимает твою душу.

— "Я полюбил твою печаль и боль, а больше — шляпку набекрень", — читает он, и его голос превращает слова в музыку.

— Перестань, — смеюсь я. — А то я влюблюсь в тебя еще сильнее.

— Разве это возможно?

— Оказывается, да. С каждым часом, с каждым твоим словом, с каждым взглядом. — Я поворачиваюсь к нему. — Это пугает и восхищает одновременно.

— А меня пугает, что я могу сделать что-то не так. Потерять тебя по собственной глупости. — Данила гладит мои волосы. — Я не очень опытен в отношениях, Ева. Всегда был сосредоточен на работе.

— А я слишком опытна. И не в лучшем смысле. — Горькая усмешка. — Два провальных брака научили меня защищаться, но не любить.

— Тогда мы будем учиться вместе. — Данила наклоняется, целует меня. — Делать ошибки и исправлять их. Ругаться и мириться. Быть несовершенными, но честными.

— У тебя есть мечта, которую ты никому не рассказывал? — спрашиваю я.

— Есть. — Он смущается. — Хочу написать книгу. Не журналистское расследование, а роман. О любви, которая преодолевает время и обстоятельства.

— О нас?

— В том числе. — Данила улыбается. — А у тебя?

— Хочу научиться танцевать. — Смеюсь над собственной глупостью. — Всегда мечтала, но стеснялась. А еще... хочу увидеть северное сияние. С тобой.

— Научу танцевать. — Данила встает, протягивает руку. — Прямо сейчас.

— Здесь? Без музыки?

— Самая лучшая музыка — это биение наших сердец.

Он обнимает меня, и мы медленно кружимся по гостиной. Неумело, смешно, но так нежно, что сердце готово лопнуть от счастья.

— А северное сияние увидим следующей зимой, — шепчет он мне на ухо. — Поедем в Мурманск или в Исландию. Будем стоять под звездами и загадывать желания.

— И что ты загадаешь?

— Чтобы ты была со мной всегда. — Данила останавливается, смотрит мне в глаза. — А ты?

— Чтобы у нас хватило времени на все наши мечты.

Мы танцуем до тех пор, пока не проголодаемся. Готовим обед вместе — он режет овощи, я варю пасту. Простые действия превращаются в симфонию близости.

— Знаешь, чего мне не хватало в прошлых отношениях? — говорю я, помешивая соус.

— Чего?

— Легкости. Способности просто быть собой. — Оборачиваюсь к нему. — С тобой я могу быть нелепой, смешной, несовершенной. И не боюсь, что ты перестанешь меня любить.

— А я не боюсь показать тебе свои слабости. — Данила подходит сзади, обнимает. — Рассказать о страхах, о том, что порой я чувствую себя потерянным.

— Расскажи. О чем ты боишься?

— Что недостаточно хорош для тебя. Что привык жить один и не умею делиться пространством. — Его руки сжимаются на моей талии. — Что мои ночные кошмары от войны будут тебя пугать.

Я поворачиваюсь в его объятиях.

— А я боюсь, что слишком независима. Что привыкла принимать решения одна и забуду спросить твое мнение. — Глажу его щеку. — Что мои шрамы от прошлых отношений помешают нам быть счастливыми.

— Тогда мы будем напоминать друг другу, что теперь мы команда, — говорит Данила. — И что наши шрамы — это не недостатки, а доказательства того, что мы выжили.

После обеда мы лежим на диване, переплетенные друг с другом. Говорим о книгах, которые любим, о фильмах, которые заставляли нас плакать, о мечтах, которые казались недостижимыми.

— Данила, а что, если кто-то из наших знакомых не примет наши отношения? — спрашиваю я вдруг.

— В смысле?

— Ну, подумают, что мы слишком быстро сошлись. Что это не серьезно.

Данила задумывается.

— А мне все равно, что думают другие. — Он поворачивается ко мне. — Ева, мы потеряли пятнадцать лет. Я не собираюсь терять ни дня больше из-за чужих мнений.

— А родители? У тебя есть родители?

— Мама. Живет в Петербурге, пенсионерка. — Данила улыбается. — Она будет в восторге. Годами пилила меня, чтобы я женился и дал ей внуков.

— А мои родители... — Я вздыхаю. — Они разочарованы моими разводами. Думают, что я слишком требовательная.

— Тогда мы докажем им, что настоящая любовь существует. — Данила целует мой лоб. — И что стоит ждать нужного человека, сколько бы времени это ни заняло.

Вечером мы принимаем ванну вместе. Не для секса — просто для близости. Сидим в горячей воде, и он массирует мои плечи, а я рассказываю о книгах, которые изменили мою жизнь.

— "Сто лет одиночества" научил меня, что любовь может быть проклятием и благословением одновременно, — говорю я. — А "Джейн Эйр" показала, что настоящая любовь ждет, когда оба человека готовы ее принять.

— А меня изменил "Маленький принц", — признается Данила. — "Зорко одно лишь сердце. самого главного глазами не увидишь."

— И что ты видишь сердцем, глядя на меня?

— Дом. Покой. Целостность. — Его руки скользят по моим рукам. — Вижу женщину, которая сделает меня лучше, чем я есть.

— А я вижу мужчину, который принимает меня такой, какая я есть. — Прижимаюсь к его груди. — И который никогда не попытается меня изменить.

Когда выходим из ванны, на улице уже темно. Мы заказываем пищу, смотрим старый фильм, но больше говорим, чем следим за сюжетом.

— Ева, хочу задать серьезный вопрос, — говорит Данила во время титров.

— Давай.

— Ты готова к тому, что наша жизнь будет обычной? Без драм, без постоянных потрясений? Просто... счастливой?

Я поворачиваюсь к нему.

— А ты готов к тому, что я буду любить тебя в рваной пижаме и с растрепанными волосами? Когда болею и капризничаю? Когда у меня плохое настроение без причины?

— Готов любить тебя в любом состоянии, — отвечает он без колебаний.

— Тогда да. Готова к обычному счастью. — Я целую его. — К завтракам в постели, к ссорам из-за того, кто будет выносить мусор, к вечерам на диване с книгой.

— К походам в магазин за продуктами, к простудам и заботе друг о друге, к годовщинам, которые мы будем отмечать дома, — добавляет он.

— К детским крикам по ночам, к усталости и счастью одновременно, к тому, что мы будем стареть вместе, — шепчу я.

— К морщинам, которые будут нам идти, к седым волосам, к тому, что мы будем рассказывать внукам, как встретились, — заканчивает Данила.

Мы засыпаем, строя планы на завтра, на следующую неделю, на всю жизнь. В его объятиях я чувствую себя защищенной от всех бурь мира.

И знаю — какие бы испытания нас ни ждали, мы пройдем их вместе.

Глава 4. Опасные игры

Неделя спустя. Букинистический магазин "Между строк". 14:00

Я раскладываю новые поступления, но мысли заняты только одним — как этим утром Данила превратил мою кухню в храм наслаждения. Его губы писали на моем теле поэму желания, руки сочиняли симфонию прикосновений. Когда он соединился со мной на мраморной столешнице, мы стали единым инструментом в руках богини любви.

Семь дней блаженства превратили меня в жрицу культа чувственности. Каждая клетка моего тела поет гимны его прикосновениям. Между моих бедер цветет сад желания, который орошается росой предвкушения при одной мысли о нем.

Звон колокольчика отрывает меня от эротических грез. В дверях материализуется видение — молодой мужчина лет двадцати пяти, чья красота напоминает статуи греческих богов. Атлетическое тело, дерзкий взгляд изумрудных глаз, губы, созданные для греха.

— Добрый день, богиня книжного царства, — голос звучит как дорогой коньяк, который медленно разливается по венам.

От его взгляда в глубинах моего естества вспыхивает предательский огонь. Хотя это не Данила, мое тело, настроенное на волну чувственности, откликается на мужскую энергию как лютня на прикосновение мастера.

— Чем могу помочь? — голос звучит хрипло от внезапного возбуждения.

— Ищу книгу о любви. — Он подходит ближе, и я чувствую аромат его кожи — свежий, как утренний дождь, с нотками мускуса. — Такую, чтобы научила чувствовать по-настоящему.

— Какой жанр предпочитаете? — Я встаю из-за прилавка, и платье облегает мои формы, подчеркивая изгибы, которые семь дней любви сделали еще более соблазнительными.

— Что-то... волнующее, — его взгляд скользит по моему телу, задерживается на декольте. — Чтобы кровь кипела от каждой строчки.

Я веду его к полкам с классикой, чувствуя, как его присутствие будоражит мою плоть. Данила превратил меня в сосуд страсти, и теперь даже взгляд постороннего мужчины заставляет этот сосуд переливаться через край.

— "Любовник леди Чаттерлей", — предлагаю я, доставая книгу. — Лоуренс мастерски описывает пробуждение женской чувственности.

Наши пальцы касаются, когда он берет книгу, и от этого невинного прикосновения по моему телу проходит электрический разряд. Между бедер пульсирует влажное тепло, словно мой организм не различает источник наслаждения.

— А вы сами читали? — он открывает страницу наугад, начинает читать вслух: "Ее тело пылало от его прикосновений, как сухая трава от искры..."

Голос обволакивает меня как шелк. Я представляю эти слова в устах Данилы, и желание вспыхивает с новой силой.

— Читала, — шепчу я. — Эта книга... она меняет представление о близости.

— Покажете еще что-нибудь? — В его глазах танцуют огоньки соблазна. — Может, что-то более... современное?

Я веду его к разделу современной литературы, созная, как мое тело движется под его взглядом. Данила научил меня чувствовать себя богиней, и теперь эта уверенность источает феромоны, которые действуют на мужчин как наркотик.

— "Пятьдесят оттенков серого", — предлагаю я, доставая трилогию. — Современная история о границах удовольствия.

— А вы практикуете что-то подобное? — вопрос звучит дерзко, но в нем нет пошлости, только искреннее любопытство.

Щеки вспыхивают огнем воспоминаний. Вчера Данила связал мои руки шелковым галстуком, и я испытала такое наслаждение, что кричала его имя, пока соседи не застучали в стену.

— Исследую границы возможного, — отвечаю я, не в силах скрыть дрожь в голосе.

Он подходит ближе, и я чувствую жар его тела. Мой организм, настроенный Данилой на высокую чувствительность, реагирует на мужскую близость как сейсмограф на землетрясение.

— А если я предложу вам... исследование? — его рука касается моей, и от этого прикосновения кожа покрывается мурашками наслаждения.

— Что вы имеете в виду? — дыхание сбивается.

— Кофе. Разговор о литературе. — Улыбка обещает больше, чем говорят слова. — Я пишу роман о страсти. Мне нужна... консультация знающего человека.

В этот момент звонит телефон. Данила.

— Алло? — голос дрожит от возбуждения и вины одновременно.

— Привет, красавица. Как дела? — его голос через трубку действует на меня как ласка.

— Нормально, — лгу я, не сводя глаз с незнакомца, который изучает книгу, но я чувствую его внимание к каждому моему слову.

— Соскучился. Хочу прийти к тебе прямо сейчас и заняться любовью до потери сознания, — Данила говорит низким, чувственным голосом.

От его слов между ног вспыхивает пожар желания. Но странно — присутствие незнакомца не гасит это пламя, а наоборот, добавляет острых ощущений.

— Я тоже скучаю, — шепчу в трубку, глядя в глаза незнакомцу.

— Буду через час. Приготовься. — Данила отключается, оставляя меня пылать от предвкушения.

— Важный звонок? — спрашивает незнакомец, и в его голосе звучит понимание.

— Мой... мужчина, — отвечаю я, не зная, зачем признаюсь.

— Счастливый, — он улыбается без тени ревности. — А предложение о кофе остается в силе. Может, втроем?

Предложение висит в воздухе как запретный плод. Часть меня ужасается собственным мыслям, но тело, разбуженное Данилой для всех видов наслаждения, откликается на эту возможность пульсацией в самых интимных местах.

— Я... мне нужно подумать, — шепчу я.

— Конечно. — Он покупает обе книги, оставляет визитку. — Дмитрий. Писатель. Звоните, если захотите расширить границы искусства.

Когда он уходит, я остаюсь одна с горящим телом и вопросами, на которые боюсь искать ответы. Данила превратил меня в женщину, жаждущую наслаждений. Но готова ли я к тому, куда может завести эта жажда?

Через час, когда он придет и будет ласкать мое тело своими искусными руками, скажу ли я ему о странном предложении? Или сохраню эту тайну как семя будущих искушений?

Через час. Моя квартира над магазином. 16:00

Я стою у высокого французского окна, сквозь которое льется медовый свет уходящего дня. Лучи играют на обнаженных плечах — платье цвета бургундского вина соскользнуло с них, пока я ждала, превращая мою кожу в золотое полотно старых мастеров. За окном бурлит жизнь мегаполиса, но здесь, в моем святилище из кожаных переплетов и старинных фолиантов, время застыло в ожидании.

Антикварные часы на каминной полке отбивают минуты с мелодичностью колокольчиков. Воздух пропитан ароматами — жасмин моих духов сплетается с запахом старой бумаги, ванили свечей и едва уловимым мускусом возбуждения, который источает мое тело.

Поворот ключа в замке — и пространство сжимается, словно весь мир уместился в границах этой комнаты. Данила переступает порог, оставляя за дверью все лишнее. Его присутствие заполняет пространство, как аромат дорогого коньяка заполняет хрустальный бокал.

— Привет, моя прекрасная, — голос течет медленно, обволакивает слух бархатом и дымом.

— Здравствуй, мой возлюбленный, — отвечаю я, и слова рождаются где-то в глубине груди, окрашенные томлением дня без него.

Он движется через комнату с грацией хищника, огибая кресло красного бархата, где раскрыта книга Анаис Нин — страницы дышат такой же страстью, что кипит в моих венах. На журнальном столике из черного дерева стоят две чашки — утренний кофе так и остался нетронутым после его ухода.

Данила останавливается в шаге от меня, и я чувствую исходящее от него тепло, запах его кожи — терпкий, мужественный, с нотками дорогого одеколона и чем-то первобытным, что заставляет мою утробу сжиматься от предвкушения.

— Как текли часы разлуки? — спрашивает он, ладони ложатся на мою талию поверх шелка платья.

— Полны откровений, — начинаю я, прижимаясь к твердости его груди под белоснежной рубашкой. — Являлся ко мне некий искатель мудрости. Молодой писатель, жаждущий познать тайны страсти.

Пальцы Данилы сжимаются на моей талии — не больно, но властно, обозначая принадлежность.

— И о чем вопрошал этот искатель? — голос становится глубже, в нем слышны обертоны ревности и возбуждения.

— О книгах, способных воспламенить кровь. О встречах, где слова превращаются в прикосновения. — Я запускаю пальцы под его рубашку, чувствую, как мышцы каменеют под моими ладонями. — Предложил исследование... совместное.

Данила медленно разворачивает меня спиной к себе, лицом к окну. Его отражение появляется в стекле позади моего — два силуэта против заката, древний как мир танец мужчины и женщины.

— Расскажи, как откликнулось твое тело на его слова, — шепчет он, губы касаются изгиба моей шеи, и от этого прикосновения по коже расходятся волны мурашек.

— Между бедрами проснулся спящий вулкан, — признаюсь я, опираясь на мраморный подоконник. — Слово ты превратил меня в сосуд желания, который готов переполниться от любого мужского взгляда.

Его рука скользит вниз, подол платья поднимается медленно, обнажая чулки в сеточку и кружевные подвязки. Пальцы находят влажную ткань трусиков и проникают под нее.

— А что рисовало воображение? — он касается моей влажности, и я выгибаюсь, словно кошка под ласкающей рукой.

— Видела себя между двух мужчин, — выдыхаю я, прижимаясь затылком к его плечу. — Четыре руки исследуют мое тело, два языка пишут поэмы на моей коже...

В отражении окна вижу нас — его темный силуэт за моей спиной, рука, скрытая под тканью платья, мое лицо, искаженное блаженством. Картина настолько эротична, что новая волна жара прокатывается по телу.

— Продолжай свою исповедь, — просит он, вводя палец глубже.

— Один целовал бы мои губы, захватывая дыхание, — стону я, двигая бедрами в ритм его ласк, — а другой совершал бы таинство там, где твоя рука сейчас творит чудеса.

Свечи на каминной полке мерцают, отбрасывая танцующие тени на стены, украшенные картинами прерафаэлитов. Воздух становится густым от наших дыханий, от ароматов возбуждения, от электричества, что искрит между нашими телами.

— Хочешь воплотить эту грезу? — спрашивает он, добавляя второй палец, и звук, который я издаю, больше похож на мольбу, чем на стон.

— Да, — кричу я, чувствуя приближение взрыва. — Хочу познать все грани наслаждения!

Кульминация обрушивается подобно грозе — я содрогаюсь в его объятиях, цепляясь за подоконник, пока волны экстаза не утихают.

— Тогда позови его, — говорит Данила, поворачивая меня к себе лицом. — Здесь и сейчас.

Я беру телефон с инкрустированного столика, набираю номер дрожащими от волнения пальцами. Данила тем временем расстегивает молнию на спине моего платья, и ткань струится к полу, как водопад бургундского шелка.

— Дмитрий? — произношу я в трубку, когда слышу знакомый голос. — Говорит Ева. Ваше предложение об исследовании... оно еще актуально?

— Безусловно, — отвечает он, и в голосе слышится заинтересованность. — Когда и где?

— Завтра, когда солнце коснется горизонта. — Данила целует мои плечи, руки обхватывают обнаженную грудь. — У меня. Адрес вы знаете.

— Буду ждать этой встречи, — обещает Дмитрий. — До свидания, загадочная муза.

Связь прерывается, и я поворачиваюсь к Данилу. Он уже обнажен до пояса, и вид его торса — произведения искусства из мрамора и золота — заставляет новую волну желания подняться во мне.

— Готова переступить эту черту? — спрашивает он, притягивая меня к себе.

— С тобой готова на все, — шепчу я, чувствуя его возбуждение у себя на животе. — Ты мой проводник в мир, где нет границ.

Мы сплетаемся в поцелуе, и в этом соединении губ — обещание завтрашних открытий, новых высот страсти, которые мы покорим вместе.

Следующий вечер. Моя квартира. 19:45

Я стою перед зеркалом эпохи ампир в спальне, изучая свое отражение. Платье из черного кружева облегает тело как вторая кожа, подчеркивая каждый изгиб. Под ним — комплект белья цвета слоновой кости, который я выбирала час, словно готовилась к священному ритуалу.

За окнами спальни уже зажглись первые звезды над городом. Свечи расставлены по всей квартире — на каминной полке, на старинных консолях, на подоконниках. Их мерцающий свет превращает привычное пространство в декорации к опере, где вот-вот разыграется акт страсти.

Данила появляется в дверном проеме, прислоняется к косяку. Белая рубашка расстегнута на две пуговицы, черные брюки безупречно сидят на его мускулистой фигуре. В руках — бокал красного вина, глаза горят предвкушением.

— Ты прекрасна, — произносит он, и голос течет медленно, как дорогой коньяк. — Богиня, готовящаяся принять жертвоприношения.

— А ты мой первосвященник, — отвечаю я, поворачиваясь к нему. — Который посвятит меня в новые таинства.

Он подходит, протягивает бокал. Наши пальцы касаются, когда я беру вино, и от этого невинного прикосновения по телу проходит знакомая дрожь. Вино терпкое, с привкусом черной смородины и чего-то запретного.

— Нервничаешь? — спрашивает Данила, поправляя прядь волос у моего виска.

— Возбуждаюсь, — честно отвечаю я. — Не знаю, чего ожидать, и это пьянит больше вина.

Звонок в дверь разрывает интимность момента. Мы замираем, глядя друг на друга. Еще несколько секунд — и точка невозврата будет пройдена.

— Я открою, — говорит Данила, целуя мой лоб. — Ты готова?

— Готова, — шепчу я, хотя сердце бьется как крылья колибри.

Слышу, как открывается дверь, мужские голоса в прихожей. Дмитрий здесь. Мой таинственный писатель, который станет третьим в нашем танце страсти.

Через минуту они входят в гостиную. Дмитрий выглядит еще привлекательнее, чем я помнила — темно-синий пиджак подчеркивает ширину плеч, в руках букет белых орхидей и бутылка дорогого шампанского.

— Добрый вечер, прекрасная Ева, — говорит он, и голос звучит как струны виолончели. — Благодарю за приглашение в ваш мир.

— Добро пожаловать в наше святилище, — отвечаю я, принимая цветы. — Орхидеи... как символично.

— Символ редкой красоты и изысканной страсти, — поясняет он, и наши взгляды встречаются. — Именно то, что я увидел в вас вчера.

Данила открывает шампанское, пробка взлетает с мягким хлопком. Три бокала наполняются игристым золотом, пузырьки поднимаются к поверхности, как наши скрытые желания.

— За новые открытия, — произносит Данила, поднимая бокал.

— За границы, которые мы готовы перейти, — добавляет Дмитрий.

— За ночь, которая изменит нас, — заканчиваю я.

Хрусталь звенит, когда бокалы соприкасаются. Шампанское искрится на языке, пьянит не только алкоголем, но и предвкушением.

— Расскажите о своих книгах, — обращаюсь я к Дмитрию, устраиваясь в кресле. — О том, что вас вдохновляет.

— Человеческие страсти, — отвечает он, садясь на диван напротив. — То, как люди ведут себя, когда социальные маски падают. Как раскрывается их истинная природа.

Данила устраивается рядом со мной, рука ложится на подлокотник кресла, случайно касаясь моего плеча.

— А какова истинная природа человека? — спрашивает он.

— Жажда наслаждения, — отвечает Дмитрий, не сводя глаз с моего лица. — Стремление к тому, что запрещено, что выходит за рамки обыденности.

Воздух в комнате становится гуще. Свечи мерцают, отбрасывая танцующие тени на стены. Я чувствую себя героиней романа, которого еще не написали.

— А вы, Ева? — Дмитрий наклоняется вперед. — Что открыла в себе за последние дни?

— Что границы существуют только в нашем воображении, — отвечаю я, встречая его взгляд. — Что тело способно на гораздо большее, чем мы себе позволяем.

— Покажите, — просит он тихо.

Данила сжимает мою руку — не запрещая, а поддерживая. Я встаю, подхожу к Дмитрию. Он поднимается навстречу, и вот мы стоим в шаге друг от друга.

— Что вы хотите увидеть? — шепчу я.

— То, как вы целуетесь, — отвечает он. — Как сдаетесь страсти.

Я оглядываюсь на Данилу. В его глазах горит огонь, но не ревности — возбуждения от того, что он наблюдает за своей женщиной.

— Целуй ее, — говорит он хрипло. — Покажи мне, как она отзывается на чужие губы.

Дмитрий касается моего лица, большой палец проводит по щеке. Его губы приближаются медленно, давая мне возможность отстраниться. Но я не отстраняюсь.

Поцелуй мягкий, исследующий. Его губы теплые, вкус мятный. Я отвечаю осторожно, позволяя ему углубить поцелуй. Где-то за спиной слышу, как Данила тяжело дышит.

Когда мы отрываемся друг от друга, я поворачиваюсь к Даниле. Его лицо напряжено от сдерживаемой страсти.

— Как ощущения? — спрашиваю я.

— Невыносимые, — признается он. — Хочу подойти и забрать тебя. И одновременно хочу смотреть, как он тебя касается.

— Тогда смотри, — шепчу я.

Дмитрий обнимает меня сзади, руки ложатся на мою талию поверх кружева. Его губы находят мою шею, и я выгибаюсь от удовольствия.

— Она прекрасна, — говорит он Даниле. — Как вы можете делиться такой женщиной?

— Потому что знаю — она вернется ко мне, — отвечает Данила, встает и подходит к нам. — Потому что я единственный, кто знает все ее секреты.

Теперь я между двух мужчин. Дмитрий продолжает целовать мою шею, а Данила смотрит мне в глаза, касается моих губ.

— Что ты чувствуешь? — спрашивает он.

— Пожар, — выдыхаю я. — Четыре руки, две энергии, два разных прикосновения.

— Хочешь большего? — спрашивает Дмитрий, руки скользят выше, к краю декольте.

Я закрываю глаза, отдаваясь ощущениям. Это неправильно, безумно, но невероятно возбуждающе.

— Да, — шепчу я. — Хочу все.

И тогда начинается настоящий танец страсти — медленный, исследующий, полный новых открытий. Они раздевают меня по очереди, каждый участвует в священном ритуале освобождения моего тела от оков ткани.

Когда кружевное платье падает к ногам, я стою между ними в одном белье, освещенная мерцанием свечей. Чувствую себя богиней, которой поклоняются два жреца.

— Ты превосходна, — шепчет Дмитрий, обводя взглядом мое тело.

— Моя богиня, — добавляет Данила, и в его голосе звучит гордость. — Моя прекрасная, смелая богиня.

Они ведут меня в спальню, где продолжится наша ночь открытий. Я не знаю, куда приведет этот путь, но знаю одно — после этой ночи я уже никогда не буду прежней.

Визуалы_Данила

Глава 5. Женские разговоры

Кафе на Патриарших — место, где время останавливается где-то между французским шиком и московской душевностью, где официанты помнят, что ты пьешь латте без сахара, а твоя подруга — капучино с двойной порцией корицы, и где можно говорить о самом сокровенном, не боясь, что кто-то подслушает, потому что здесь каждый стол погружен в свою драму, и никому нет дела до чужих секретов. Я сижу за нашим обычным столиком у окна, нервно поглаживаю край чашки и жду девочек — впервые за три недели нашего с Данилой безумия мне хочется поговорить с кем-то, кроме него, хочется выговориться, получить совет или просто убедиться, что не схожу с ума от какой-то странной пустоты, которая поселилась в груди после той ночи.

Катя врывается первой, как всегда — в развевающемся бежевом пальто, с волосами, которые выглядят так, словно она только что сошла с обложки журнала, но в глазах читается какая-то новая неуверенность, которой раньше не было. Она обнимает меня так крепко, что от нее пахнет новыми духами — не теми легкими цветочными, что она носила годами, а чем-то более тяжелым, восточным, словно пытается скрыть себя за ароматом.

— Ева, дорогая, ты выглядишь задумчиво, — говорит она, садясь напротив и изучая мое лицо с профессиональным интересом психолога. — Что-то случилось с твоим сказочным принцем?

— Все нормально, — отвечаю я быстро, слишком быстро, и понимаю, что Катя это заметила. — Просто... устала немного.

— Устала от счастья? — усмехается она, заказывая свой капучино. — Или от секса? Хотя обычно от хорошего секса не устают, а наоборот, расцветают.

Я чувствую, как краснеют щеки. Если бы она знала... если бы она знала, что происходило три дня назад, что я почувствовала в объятиях двух мужчин одновременно, и как это странным образом изменило то, что я чувствую к Даниле. Не то чтобы я разлюбила его — нет, я все еще люблю, но... словно включился какой-то внутренний переключатель, и теперь его прикосновения кажутся не такими волшебными, его поцелуи не заводят до дрожи в коленках, а когда он говорит, что хочет меня, я думаю не о том, как бы поскорее оказаться с ним в постели, а о том, не сравнивает ли он меня с тем, что видел тогда.

— Кать, а ты что-то странная сегодня, — перевожу я тему, наблюдая, как она нервно тербит сережку — новая привычка, которой у нее раньше не было. — Что с тобой?

— Со мной? — она смеется, но смех звучит натянуто. — Да все прекрасно. Работа идет отлично, клиенты довольны, деньги текут рекой. Недавно начала ходить на женский круг — там такие умные женщины собираются, обсуждаем саморазвитие, женскую силу...

— Женский круг? — переспрашиваю я, удивляясь. — Катя, ты же всегда была скептически настроена к таким вещам.

— Была, — кивает она, и я замечаю, как дрогнули уголки ее рта. — А потом поняла, что может, пора что-то менять в жизни. Мужчины, знаешь ли... они приносят больше проблем, чем радости.

Она не успевает развить мысль, потому что в кафе влетает Лена — наша третья подруга, обычно собранная, деловая, а сейчас выглядящая так, словно ее пропустили через мясорубку эмоций. Волосы растрепаны, под глазами синяки, в руках мятая пачка сигарет, хотя она бросила курить три года назад.

— Девочки, — говорит она, плюхаясь на стул и сразу же закуривая, не обращая внимания на недовольные взгляды за соседних столиков, — моя жизнь превратилась в дерьмо.

— Лен, что случилось? — спрашиваю я, протягивая ей салфетки.

— Сережка подал на развод, — выпаливает она и тут же затягивается так глубоко, что становится страшно за ее легкие. — Официально. Через суд. С разделом имущества и алиментами.

Катя и я переглядываемся. Лена и Сергей казались идеальной парой — вместе уже десять лет, двое детей, большая квартира, совместный бизнес.

— Но почему? — спрашивает Катя, тут же включая профессиональный режим. — Что произошло?

— А произошло то, что я пошла к психотерапевту, — Лена смеется горько, стряхивая пепел в пустую чашку. — Помните, я вам рассказывала? После того как поняла, что хочу Сережку убить каждый раз, когда он забывает загрузить посудомойку.

— Ну да, и что? — подсаживается ближе Катя. — Терапия — это здорово, что ты решилась.

— Здорово, блядь, — кивает Лена с сарказмом. — Только эта психотерапевт такое во мне раскопала... Знаете, что она мне сказала на втором сеансе? "Лена, а когда вы в последний раз испытывали к мужу желание? Не долг, не привычку, а именно желание?" И я поняла, что не помню.

Мы с Катей замираем. Такого поворота никто не ожидал.

— То есть как не помнишь? — осторожно спрашиваю я, и мне становится не по себе, потому что я вдруг понимаю — а помню ли я, когда в последний раз смотрела на Данилу и млела? Когда думала о нем и возбуждалась? Была ли такая жажда после той ночи?

— А вот так, — Лена затягивается снова, и руки у нее дрожат. — Мы занимались сексом по расписанию, девочки. По вторникам и субботам, после душа, потому что так удобно, потому что дети уже спят, потому что завтра рано вставать. И я лежала и думала о том, купить ли завтра молоко или хватит до выходных.

— Лен...

— Не лен меня! — прерывает она меня, и слезы начинают течь по ее щекам, смешиваясь с тушью. — Знаете, что хуже всего? Что я думала, будто так и должно быть. Что страсть — это для кино и книжек. Что нормальные люди в браке занимаются сексом, как идут к зубному врачу — нужно, но не особенно приятно.

Катя протягивает ей салфетки, и я вижу, как что-то болезненное промелькнуло в ее глазах — узнавание, что ли.

— А что сказал Сережка, когда ты ему призналась? — спрашиваю я тихо.

— Сказал, что всегда это чувствовал, — Лена вытирает лицо и выглядит теперь как панда с размазанным макияжем. — Что годами жил с женщиной, которая терпела его в постели. Что это унижает его как мужчину, что он чувствует себя насильником.

— И он сразу подал на развод?

— Не сразу. Сначала мы пытались... ну, вы понимаете. Работать над отношениями. Я купила красивое белье, мы ездили в отели, пробовали... — Она замолкает, докуривает сигарету. — Представляете картину? Я лежу в кружевном боди, которое стоит как моя месячная зарплата, он старается изо всех сил быть нежным и страстным, а я все равно думаю о том, что надо не забыть купить Маше новые колготки.

— Ой, Лен, — сочувственно выдыхает Катя.

— А потом он сказал, что не может больше. Что лучше честное одиночество, чем фальшивая близость. И знаете что? — Лена смотрит на нас покрасневшими глазами. — Он прав. Я не люблю его. Не знаю, любила ли когда-нибудь. Мне было с ним удобно, безопасно, предсказуемо. А это не любовь, это... бытовое партнерство.

Мы молчим, и в этом молчании каждая думает о своем. Я думаю о том, что три дня назад, лежа между двумя мужчинами, я чувствовала что-то такое дикое и настоящее, что теперь Данила кажется мне... безопасным. Предсказуемым. И от этой мысли становится страшно.

— Короче, девочки, — Лена берет новую сигарету, — через месяц я буду разведенной мамочкой с двумя детьми и съемной квартиркой. Зато честной. — Она поворачивается ко мне. — А теперь ты рассказывай. Как дела с воскресшей любовью? Все еще летаете в облаках?

Я открываю рот, чтобы сказать что-то про счастье и страсть, но вместо этого выходит:

— Не знаю.

— Как не знаешь? — удивляется Катя.

— Вот так. Не знаю. — Я кручу в руках чашку, собираясь с мыслями. — Поначалу все было невероятно. Как в сказке — принц вернулся, любовь победила, и все такое. А сейчас...

— Сейчас что? — подсаживается ближе Лена, и я понимаю, что мой рассказ отвлекает ее от собственных проблем.

— Сейчас я смотрю на него и думаю: а что дальше? — Слова вырываются сами, и я понимаю, что наконец-то могу озвучить то, что мучает меня последние дни. — Мы занимаемся любовью, а я думаю о работе. Он говорит красивые слова, а я анализирую, искренне ли он их произносит. Он целует меня, а у меня в голове крутится: "Как-то обыденно все стало".

— Может, просто период адаптации? — предполагает Катя. — Первые недели прошли, гормоны успокоились...

— Или может, ты поняла, что принц не такой уж и принц? — добавляет Лена. — Что влюбленность в идею человека и любовь к реальному человеку — разные вещи?

— А может, — говорю я, и голос дрожит, — я поняла, что есть вещи поинтереснее, чем стабильные отношения с хорошим мужчиной?

Подруги переглядываются.

— Объясни, — просит Катя.

— Недавно... — начинаю я и тут же останавливаюсь. Как рассказать им о той ночи? Как объяснить, что почувствовала себя по-настоящему живой только тогда, когда нарушила все правила? — Недавно я поняла, что мне скучно с ним. Не плохо, не больно — скучно. Как будто я играю роль счастливой женщины, а сама при этом где-то в стороне.

— Ева, — говорит Лена серьезно, — а может, дело не в нем? Может, дело в тебе? В том, что ты изменилась за эти пятнадцать лет, а он остался прежним?

— Или наоборот, — добавляет Катя. — Может, он изменился, а ты влюбилась в воспоминание о двадцатидвухлетнем парне?

Я молчу, потому что не знаю ответа. Знаю только, что когда Данила целует меня теперь, я не таю, как раньше. Когда он говорит, что любит, я думаю: "А что это значит?" Когда он планирует наше будущее, мне хочется сказать: "А может, не стоит торопиться?"

— Девочки, — говорю я наконец, — а что если мы все неправильно понимаем любовь?

— То есть? — спрашивает Лена.

— Ну смотрите. Лена думала, что любовь — это удобство и стабильность. Оказалось, что нет. Я думала, что любовь — это когда не можешь жить без человека. А теперь понимаю, что могу. И это меня пугает.

— А я, — вдруг говорит Катя, и в ее голосе появляется какая-то новая интонация, — я теперь думаю, что любовь — это вообще мужская выдумка, чтобы женщины не замечали, как их используют.

Мы с Леной переглядываемся.

— Катюш, что за херню ты несешь? — прямо спрашивает Лена.

— Не херню, а научно обоснованную теорию! — возражает Катя с таким пафосом, что я понимаю — сейчас будет что-то интересное. — На женском круге нам объясняли, что романтическая любовь — это инструмент патриархального угнетения, придуманный мужчинами, чтобы мы забыли о своей истинной женской силе.

— Женском круге? — переспрашиваю я. — Катя, ты же всегда смеялась над такими штуками.

— Смеялась, пока не попробовала, — она начинает методично рвать салфетку на мелкие кусочки. — Там такие умные женщины собираются, обсуждают глобальные вещи. Ведущая — настоящий коуч по женской энергии, прошла обучение в Индии.

— И что вы там делаете? — с нескрываемым любопытством спрашивает Лена.

— Разное, — Катя краснеет, но продолжает. — Сначала мы садимся в круг, держимся за руки и настраиваемся на вибрации женской энергии. Потом ведущая — ее зовут Солнечная Лилия, настоящее имя не помню — рассказывает, как веками мужчины подавляли нашу природную мудрость.

— Солнечная Лилия? — фыркает Лена. — Серьезно?

— Ага. Такая тетка лет пятидесяти в развевающихся юбках и с кучей браслетов, которые звенят при каждом движении. Говорит, что имя ей дали духи на церемонии в Перу.

— А дальше что? — не выдерживаю я.

— Дальше мы изучаем разные аспекты женской силы, — Катя явно собирается с духом. — На прошлой неделе, например, работали с женскими звуками освобождения. Кричали так, чтобы выпустить всю накопленную боль от патриархального угнетения.

— Как кричали? — уже откровенно ржет Лена.

— Как сумасшедшие, — честно признается Катя. — Солнечная Лилия показывала: нужно набрать полную грудь воздуха и выдать такой вопль, чтобы предки услышали. Я орала "А-а-а-а!" минуты три, а думала только о том, что соседи точно вызовут скорую. А одна тетка так разошлась, что у нее началась истерика, ее еле успокоили.

Мы с Леной уже смеемся, но Катя еще не закончила.

— Но самое охрененное было на позапрошлом занятии, — продолжает она, и щеки у нее становятся совсем красными. — Мы лепили из глины... свои женские органы.

— Что?! — Лена чуть не поперхивается кофе.

— Не женские органы, а йони! — поправляет Катя с неожиданным достоинством. — Солнечная Лилия объяснила, что йони — это священное древнеиндийское название нашего женского начала, источника жизни и мудрости.

— То есть вы лепили вагины из глины? — уточняю я, пытаюсь не расхохотаться.

— Йони! — снова поправляет Катя. — И да, лепили. Каждая свою. Солнечная Лилия сказала, что это поможет нам лучше узнать свое тело и принять свою сексуальность без стыда, навязанного патриархатом.

— И как процесс? — спрашивает Лена, вытирая слезы.

— Жесть полная, — честно признается Катя. — Представьте: сидим мы в кругу, двенадцать баб от тридцати до шестидесяти лет, у каждой кусок глины и инструкция "слепить свое йони таким, каким вы его чувствуете". Я смотрю на этот кусок глины и думаю: "Какого хера я вообще здесь делаю?"

— А что получилось? — не выдерживаю я.

— У меня — что-то среднее между пельменем и ушной раковиной, — Катя уже сама смеется. — У соседки справа — произведение искусства с лепестками и завитушками, она полчаса рассказывала, что чувствует связь с богиней-матерью. А тетка слева слепила что-то настолько реалистичное, что Солнечная Лилия даже растерялась.

— И что потом? — хихикает Лена.

— Потом мы должны были поделиться впечатлениями. По кругу. Каждая держит свое творение и рассказывает, что чувствует. Одна говорит: "Я ощущаю силу своих предков", другая: "Моя йони излучает древнюю мудрость", третья чуть не плачет: "Наконец-то я приняла свою женственность". А я сижу с этим глиняным пельменем в руках и думаю: "Девочки, мне просто хочется домой".

Теперь мы смеемся все трое, и атмосфера в кафе становится намного легче.

— Но самое прикольное, — продолжает Катя сквозь смех, — что в конце Солнечная Лилия предложила забрать творения домой. "Поставьте их на почетное место, — говорит, — пусть напоминают вам о вашей женской силе". И теперь у меня на подоконнике стоит этот глиняный... йони. Соседи, наверное, думают, что я занялась авангардной скульптурой.

— А ты что им говоришь? — спрашивает Лена.

— Что это символ плодородия из древней Месопотамии, — невозмутимо отвечает Катя. — Звучит солиднее, чем "это моя вагина из глины".

— Катюш, — говорю я, когда мы немного успокаиваемся, — а зачем ты туда ходишь, если тебе все это кажется бредом?

— Не знаю, — признается она, и смех исчезает с ее лица. — Наверное, потому что хочется верить, что есть какая-то инструкция по счастью. Что можно пройти курс и стать правильной женщиной, которая все знает о себе.

— Катя, послушай себя, — мягко говорит Лена. — Ты же умная девочка. Неужели не понимаешь, что никто не знает, как правильно быть женщиной?

— Понимаю, — вздыхает Катя. — Но после каждого круга я выхожу такая... просветленная. Как будто получила ответы на все вопросы. А потом прихожу домой, смотрю на эту глиняную фигурку на подоконнике и понимаю, что мне просто одиноко. И хочется не древней женской мудрости, а чтобы мужчина обнял и сказал, что я красивая.

— Тогда плюнь на эти круги, — советует Лена. — И на Солнечную Лилию с ее йони. Иди и найди мужчину, который тебе нравится.

— Но они говорят, что случайные связи унижают женскую сущность... — автоматически начинает Катя, а потом морщится. — Блядь, слышите, что я несу? Как будто у меня в голове живет эта тетка в звенящих браслетах и диктует, что делать с моей жизнью.

— Может, пора ее выселить? — предлагаю я. — Вместе с глиняным йони.

— Тогда плюнь на правильность, — советует Лена. — Я десять лет была правильной женой, правильной матерью, правильной женщиной. И что в итоге? Развод и понимание, что прожила чужую жизнь.

— А ты, Ева? — поворачивается ко мне Катя. — Что посоветуешь?

Я думаю о своем совете, о том, что сама не знаю, что делать со своими сомнениями относительно Данилы, о том, что три дня назад почувствовала нечто такое, что изменило все, но не могу этим поделиться.

— Я не эксперт, — говорю я честно. — Сама не понимаю, что со мной происходит. Только знаю одно — лучше жить с сомнениями, чем с иллюзиями.

— Звучит депрессивно, — замечает Катя.

— Зато честно, — добавляет Лена. — Девочки, а давайте договоримся: следующий месяц живем как хотим, а не как должны. Я — честно прохожу через развод, не изображая сильную женщину. Катя — забывает про женские круги и ищет мужчину, который ей нравится. А Ева...

— А Ева разбирается со своими чувствами к Даниле, — заканчиваю я. — И не притворяется, что все прекрасно, если это не так.

— Договорились? — протягивает руку Лена.

— Договорились, — отвечаем мы хором, и наши руки сходятся в центре стола.

За окном начинает темнеть, в кафе зажигают свечи, и я понимаю, что впервые за несколько недель чувствую себя честной. Не счастливой, не несчастной — просто честной. И это уже что-то.

— Девочки, — говорю я, когда мы собираемся расходиться, — а что если мы просто слишком много ждем от жизни?

— В смысле? — спрашивает Катя, застегивая пальто.

— Ну, может, не должно быть вечной страсти, идеальной любви и абсолютного счастья? Может, достаточно просто... хороших отношений с хорошим человеком?

— Тогда зачем нам весь этот цирк с поисками, переживаниями и разводами? — возражает Лена. — Можно сразу найти хорошего человека и жить спокойно.

— Потому что мы не знаем, что такое "хорошо", пока не попробуем "плохо", — отвечаю я. — И не знаем, чего хотим, пока не поймем, чего не хотим.

— Философ хренов, — смеется Катя, но в глазах у нее что-то теплеет. — Ладно, девочки, увидимся через месяц. Посмотрим, кто из нас больше наврал себе про счастье.

Мы обнимаемся на прощание, и я иду домой с чувством, что сегодня что-то важное произошло. Не решилось, не изменилось кардинально, но... сдвинулось с мертвой точки.

Дома меня ждет Данила с ужином и планами на вечер, и я смотрю на него и думаю: "А что, если попробовать быть честной? Что, если сказать ему, что не знаю, люблю ли его так, как раньше? Что чувствую себя изменившейся, но не знаю, в какую сторону?"

— Как прошел вечер с девочками? — спрашивает он, целуя меня.

— Очень честно, — отвечаю я и понимаю, что это первые искренние слова, которые я произношу после возвращения домой.

Может быть, честность — это начало чего-то нового. Даже если я пока не знаю, чего именно.

Приглашаю в первую книгу цыганских сказок #####

«Ты (не) мой Сулейман»

https://litnet.com/shrt/I_j6

Читать бесплатно по ссылке #####

Визуалы_Ева

Глава 6. Архивы памяти

Рабочий день в университетском архиве тянется как резиновая нить — медленно, с предсказуемой монотонностью, под аккомпанемент шуршания старых бумаг и скрипа деревянных полок, которые помнят еще советские времена, когда здесь хранились совсем другие документы и совсем другие секреты. Мария Сергеевна, главный архивариус факультета журналистики, сидит за своим потертым столом и методично разбирает коробки с документами двадцатилетней давности — студенческие дела, курсовые работы, переписка деканата, все то, что когда-то казалось важным, а теперь превратилось в пыльные свидетели ушедшего времени.

Сегодня на столе перед ней коробка с пометкой "2009-2010 учебный год, общежитие №7" — та самая коробка, которую она откладывала уже месяц, потому что разбор студенческой почты всегда вызывал у нее странное чувство вторжения в чужие жизни, словно она становилась невольной свидетельницей историй, которые не предназначались для ее глаз. Но сегодня деваться некуда — завтра комиссия по архивному делу, и все должно быть разложено по полочкам, каталогизировано и подшито в соответствующие папки.

Мария Сергеевна открывает коробку, и первое, что бросается в глаза — толстая пачка писем, перевязанная красной ленточкой, с припиской сверху: "Невостребованная корреспонденция, комната 237". Она развязывает ленточку осторожно, словно боится потревожить чей-то сон, и видит первое письмо — конверт кремового цвета с аккуратным женским почерком: "Даниле Олеговичу Рыбакову, общежитие №7, комната 237".

Обратный адрес: "От Евы Николаевны Соколовой, общежитие №12, комната 89".

Мария Сергеевна хмурится — эти имена что-то говорят ей, но она не может вспомнить что именно, пока не замечает дату на штемпеле: 15 июня 2010 года. И тогда память выдает нужную информацию — конец учебного года, время выпускных экзаменов, последние недели студенческой жизни для тех, кто заканчивал университет. Наверное, прощальные письма, записки, может быть, признания в любви — ничего необычного для того времени года.

Но когда она берет в руки всю пачку и видит, что писем много — не меньше двух десятков, все с одними и теми же именами отправителя и получателя, все датированы одним периодом, и все помечены как "невостребованные" — у нее возникает странное чувство, что она держит в руках не просто корреспонденцию, а кусок чьей-то разбитой судьбы.

Первое письмо она открывает случайно — конверт оказался надорванным, и содержимое выскользнуло само. Глаза скользят по строкам

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.